

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 37.01131-051

Ялозина Е.А.

Всероссийская государственная
налоговая академия Минфина РФ

ШКОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ТРАДИЦИОНАЛИЗМ СЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.*

Аннотация. Статья посвящена проблеме отношения традиционного сельского общества к развитию начального школьного обучения в первой четверти XX века. Автор рассматривает эволюцию школьной политики земств, а в дальнейшем и местных органов советской власти. На основе анализа сделан вывод о том, что становление и развитие отечественного образования на данном этапе определялось не только государственной стратегией, но и хозяйственно-экономическими запросами, возможностями и психологией сельского общества. Источниковой базой исследования являются архивные документы, как правило, впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: школьная политика, сельская школа, традиционное общество, отделы народного образования.

E. Yalozina

All-Russia State Tax Academy of the Ministry of Finance of Russia

SCHOOL STATE POLICY AND THE TRADITIONALISM OF RURAL COMMUNITY IN THE FIRST QUARTER OF THE TWENTIETH CENTURY

Abstract. The present article is devoted to the problem of the relations of traditional rural society to the development of primary schooling in the first quarter of the twentieth century. The author examines the school policy of local government («zemstvo») and the Soviet authorities. On the basis of the analysis it has been concluded that the formation and the development of domestic education at the given stage was defined not only by the state strategy, but also by the economic needs, possibilities and psychology of rural community. The base of the research is provided by archival documents, which are introduced into the scientific use for the first time.

* © Ялозина Е.А.

Key words: school state policy, rural school, traditional society, departments of public education.

В контексте историко-методологической проблемы традиционализма аграрного российского общества конца XIX - первой четверти XX вв. особый научно-познавательный интерес представляет изучение такого его социального института, как сельская школа. Ее становление в пореформенный период и развитие в условиях становления советской власти определялось не только государственной стратегией, но и хозяйственно-экономическими запросами, возможностями и психологией сельского сообщества.

Земская школьная политика изначально основывалась на убеждении, что крестьяне, в силу своей психологии, только тогда по-настоящему заинтересуются школой, когда будут сами изыскивать и давать собственные средства на ее устройство, содержание и обучение своих детей. В свою очередь, земцы из крупных землевладельцев считали невыгодным и несправедливым для себя участвовать в расходах на школу, направленных исключительно образом на обучение крестьянских детей. Поэтому в конце 1870-80-х гг. на сельское общество приходилось 30% - 45% расходов на материальную поддержку учителей и приобретение учебных принадлежностей. Со временем роль государства и земств в финансировании образования становилась заметней: они выделяли средства на содержание учителей, закупку учебников и учебных пособий, хозяйственные расходы, постройку и ремонт школьных зданий. На этом фоне участие населения в софинансировании школы сокращалось и к 1900 г. составляло всего 5% [1, 271].

В начале XX в., на волне революционных событий, под давлением общественно-поли-

тического движения, думской деятельности школьная проблема приобретает черты общемировых тенденций, когда усиливается роль государственных финансовых потоков, а школа выполняет государственный социально-политический заказ. События 1917 г. радикализировали концепцию школьного развития. Советская власть в своих первых государственных актах декларировала новый беспрецедентный принцип финансирования системы образования только за счет средств центрального бюджета государства. Однако унаследованные от прежней власти нерешенные социально-экономические проблемы системы образования, усугубляемые катастрофическими последствиями революции, войны и финансового кризиса, оказались неподъемными для большевиков. В начале 1920-х гг. власть предельно сокращает финансирование школы из центрального бюджета, перекладывает эту задачу на слабый нестабильный местный бюджет и заявляет о необходимости привлечения для спасения положения школы средств населения. По существу, речь шла об обращении советской власти к традиционному российскому опыту предыдущих десятилетий. Вопреки идеологическим воззрениям большевиков, их государственной просветительской политике, инвариантом которых было неприятие и отторжение дореволюционной практики, социально-экономические реалии диктовали необходимость политических компромиссов и установку на приоритет целесообразности.

Традиционализм хозяйственно-экономического поведения сельского общества был опасен и чреват для советской власти попыткой возрождения «старой царской» школы. В целях недопущения этого и регламентации механизма привлечения средств населения Совет Народных Комиссаров РСФСР (далее – СНК РСФСР) 15 сентября 1921 г. принял постановление «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений»¹. Постановление явилось первой попыткой советской власти в условиях кризиса приостановить стихийное разрушение школьной системы и урегулировать формы и методы привлечения внебюджетных средств населения для поддержания народного образования. В октябре 1921 г. народный комиссариат просвещения в своем циркуляре предупреждал о недопущении введения платы за обучение в школах республики, открытии платных час-

тных и кооперативных школ². Месяц спустя, ЦК РКП(б) разослал на места директиву «О порядке привлечения местных средств к расходам по содержанию просветительных учреждений», в которой поставил перед партийными организациями задачу оказать отделам народного образования всемерную помощь в мобилизации средств населения на нужды школы³. Таким образом, в конце 1921 г. проблема внебюджетного финансирования школы приобретала нормативную основу в документах государственного, партийного и ведомственного уровня. Власть решала двуединую задачу: привлечь традиционные источники внебюджетного финансирования – средства населения, и не допустить при этом усиления натиска на школу мелкобуржуазной стихии.

Выполнение поставленной задачи в условиях социально-экономического и политического кризиса начала 1920-х гг. являлось крайне сложным делом. В этой связи власти прибегли к привычным со времен «военного коммунизма» принудительно-мобилизационным действиям. Так, к примеру, положение о добровольности сборов и самообложении, присутствовавшее в постановлении СНК РСФСР от 15 сентября, местная власть в своих циркулярах, спускаемых в волости, игнорировала и вела речь о такой форме сборов, как повинность, т.е. об испытанном в годы «военного коммунизма» методе принуждения. Устанавливались два вида «самообложения» в качестве обязательной повинности: продовольственная – чтобы накормить учителя и топливная – для обеспечения школы. Взимание этих сборов должно было производиться в два срока: к 1 октября – в размере потребностей 1-го полугодия, к 1 декабря – в расчете на 2-е полугодие⁴.

В соответствии с директивами центра, в декабре 1921 г. в округах были проведены съезды заведующих отделами народного образования, объединенные заседания комиссий комитетов РКП(б), военкоматов, исполкомов по вопросам привлечения средств населения, определившие в своих решениях круг задач местной власти по мобилизации общества на поддержку школы. В ближайший период все аппараты этих органов власти обязывались ударно заниматься проведением самообложения, при этом устанавливались конкретные сроки 100% выполнения обязательств. Неисполнение решений расценивалось как содействие контрреволюции⁵.

Подавляющее большинство крестьянских хозяйств после Гражданской войны, неурожая 1921 г. и его последствий испытывали серьезные экономические трудности и зачастую были не в состоянии выполнить норму по самообложению, материально поддержать школу. Перед ними стояла гораздо более насущная жизненная проблема – преодолеть голод, выжить самим. Сбор продовольствия в пользу школ проводился с трудом. Выполняя разрядку по самообложению, лишь немногие волости могли выдать по 1 пуду (16,38 кг) муки на школьного работника или 30 фунтов (1 фунт = 0,409 кг) пшеницы. Еще реже крестьяне на члена семьи учителя могли выделить дополнительно еще 1 фунт масла и 4 фунта мяса. Некоторые волости были в состоянии лишь «обложить население топливом» или отказывались от самообложения вообще. В таких местностях учителя голодали, уходили в поисках заработков, и властям не оставалось ничего другого, как вынужденно закрывать школы [3, 2].

Проводимое добровольно-принудительными методами самообложение как источник поддержки сельской школы и учителя в 1921/1922 учебном году, на практике не оправдало себя. В мае 1922 г. руководство многих округов признавало, что самообложение «не проходит». Причину провала проведения кампании власть видела, прежде всего, в административном ресурсе – халатном отношении и самоустранении работников просвещения, при этом экономический упадок крестьянских хозяйств и особенности патриархальной психологии крестьян, практически, не принимались в расчет.

Неэффективность кампании и продолжающееся стихийное закрытие сельских школ побудили власть в начале 1922/1923 учебного года обратиться к другой форме помощи населения школе – на договорных началах. С крестьянством заключались договоры, согласно которым школы находились в ведении отделов народного образования, но содержались, преимущественно, за счет местного населения, которому предоставляли право контролировать средства, ассигнованные на расходы школе [4, 18]. Следует подчеркнуть, что власть была осторожна в своих действиях по развертыванию договорной кампании, опасаясь крестьянской инициативы возрождения «старой дореволюционной школы». Поэтому договоры на содержание школ заключались, как прави-

ло, поэтапно, сначала на несколько месяцев, реже – на полгода.

Как показала практика, на условиях таких договорных отношений крестьяне стали проявлять некоторую заинтересованность и активность. Даже, будучи ограничены в средствах и возможности оказать материальную поддержку, они в качестве добровольной помощи соглашались выполнять работы в пользу школы, сделать сруб, провести там мелкий ремонт. Осенью 1922 г. из волостей стали приходиться сообщения о постепенном восстановлении школ, возвращении туда учителей и учеников. Второй этап заключения и реализации договоров с сельским населением проходил зимой-весной 1923 г. трудно, с нарушением сроков, объемов и условий оказания помощи. И все же, по сравнению с неэффективной принудительной формой самообложения населения, добровольная договорная кампания реализовывалась на 20-25%, что давало возможность, хоть и слабо, но поддерживать учителя и не закрывать школу [5, 8-11].

Вместе с тем подтверждались и опасения советской власти: революционные события не смогли переломить эту удивительную патриархальную тягу крестьян к моральному воздействию. Крестьянское сообщество, сообразуясь с дореволюционным опытом материальной поддержки школы, начинало диктовать учителям, работавшим на договорных началах, свои условия: преподавать Закон Божий, письмо и арифметику в рамках дореволюционных учебных программ, привычными и понятными, а не новыми советскими, методами. В противном случае, они грозили отказаться от договорных обязательств материальной поддержки.

На том этапе у советской власти не было достаточных рычагов контроля и активного противодействия этой тенденции. Дело в том, что в конце 1922 – начале 1923 гг. в системе управления народным образованием начались деструктивные процессы: в условиях финансово-экономического кризиса с целью экономии средств были сокращены штаты окружных отделов народного образования, а волостные отделы народного образования как структура вообще были полностью ликвидированы. В сложившейся ситуации власть оказалась перед выбором: отказаться от традиционной формы поддержки сельской школы или продолжать пожинать плоды договорной кампании «по-крестьянски». В условиях, когда школа

рассматривалась как важный участок идеологического фронта, а постановка дела образования осуществлялась в соответствии с принципом, сформулированным X съездом РКП(б) – все просвещение в коммунистическом государстве может быть только коммунистическим и никаким другим, – власть, допустившая крестьянскую инициативу, не могла позволить, чтобы далее в условиях новой экономической политики образовательный процесс в сельской школе осуществлялся вразрез с государственной просветительской политикой и идеологией.

Хозяйственно-экономическая помощь крестьян, безусловно, позволила в условиях кризиса поддержать школьную сеть, не дать ей развалиться. Используя возможности этого ресурса, власть в мае 1923 г. приняла политическое решение отказаться от практики поддержки учебных заведений на договорной основе с населением. В связи с этим планировалось поэтапно перевести сельские школы на финансирование местного бюджета и к началу 1923/1924 учебного года сократить количество договорных школ наполовину [6, 482]. Однако нестабильный местный бюджет на тот период был не готов взять на свои плечи обеспечение и реализацию принятого решения. До середины 1920-х гг. местные власти продолжали с «оглядкой» использовать договоры с крестьянством, поставив их выполнение под контроль партийно-советских органов, и привлекать другие внебюджетные источники софинансирования школы.

Таким образом, в начале 1920-х гг., в условиях формирования большевиками новой государственно-политической системы и представлений относительно экономических перспектив общества, происходило дальнейшее развитие такого его социального института, как школа. Очевидной и характерной чертой процесса советского школьного строительства была преемственность с дореволюционными формами и методами. Носителем исторической связи в определенной мере было традиционное сельское сообщество. Оно являлось субъектом процесса школьного строительства и пыталось транслировать

свой опыт морального хозяйствования на протяжении нескольких рубежных десятилетий конца XIX - начала XX вв. Российское сельское сообщество вносило в практику развития школы свой специфический опыт материальной поддержки, обусловленный хозяйственно-экономическими возможностями, патриархальной культурой и психологией крестьян.

Советская власть, в свою очередь, реализуя собственные концептуальные принципы в рамках сложной социально-экономической и политической конъюнктуры восстановительного периода, не могла поступиться идеологическими позициями. Большевики, используя возможности сельского сообщества, тем не менее ставили его в условия необходимости выработать различные социально-экономические приспособительные приемы интеграции в советскую действительность и участвовать таким образом в софинансировании социалистических планов. Такими формами и стали добровольно-принудительное самообложение и договорная кампания.

Выработанные в первые годы советской власти технологии сочетания дореволюционного традиционного и нового советского опыта, хотя и не были эффективными, но, тем не менее, позволяли выживать школе в кризисной ситуации, а потому оказались востребованными и использовались советской властью на протяжении 1920-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1818. Оп.1. Д.444. Л. 26.
- ² ГАРО. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 85. Л. 81, 82, 83.
- ³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 2. Д. 122; ГАРО. Ф. Р-2584. Оп.1. Д.56. Л. 23, 94-96.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 63; ГАРО. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 61. Л. 5, 13, 343.
- ⁵ ГАРО. Ф. Р-1818. Оп. 1. Д. 98. Л. 2, 3, 4.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Веселовский Б.Б. История земства за 40 лет. СПб. 1909
2. Известия ЦК РКП(б). 1921. № 36.
3. Народное просвещение. 1923. № 6.
4. Народное просвещение. 1921. № 87/88.
5. Собрание Узаконений (СУ). 1921. № 64.